

Талина Калинкина

Родилась и живет в Москве, окончила РГГУ, является редактором журнала «Дегуста.ру» и обозревателем российских академических журналов. Член жюри конкурса «Волга-Перископ – 2021» и Международной литературной премии ДИАС имени Диаса Валеева (Татарстан) в 2021–2022 гг. Имеет публикации в журналах «Знамя», «Юность», «Север», «Сура», «Textura», «Кольцо А», «Традиции & Авангард», в «Независимой Газете» (НГ-Exlibris) и ряде других изданий.

Лауреат международных литературных конкурсов. Номинант канадской премии Эрнеста Хемингуэя за роман-надежду «Лист лавровый в пищу не употребляется» (2021). Лонг-листер конкурса имени Фазилия Искандера (2022). Автор сборника «Поверх крыш и флюгерных музык».

Месяц Окаянных дней

Страницы из дневника

21 сентября

Богородичев день. Сдавала кровь утром. На голодный желудок. Медсестрички уверенно колют, берут на автомате, переговариваются:

– А я не пуцу своего. Вот им!

Показывает недвусмысленный знак согнутой рукой.

Я согнуть руку не могу: забинтована.

Иду в ателье забрать у портнихи заказ, как договаривались.

– Не готово. Не могу работать. Из рук все падает. У меня два зятя до тридцати пяти.

В газетный киоск зашла за программой для бабушки. Она смотрит ТВ.

Киоскерша:

– Тут в «Пятерочке» хорошая скидка на кофе. Растворимый. Не надо? Ну понятно, теперь не до того. Ко мне тут женщина прибежала, сканворды каждую среду берет, вся расхристанная, дочь у нее, ну это, обязанная...

Очень тихо на улицах. Нет ветра. Нет резких городских звуков. Как будто вата в ушах. Оглушило. Люди молчаливо и бесшумно пробегают мимо друг друга.

Еще зеленая осень, не золотая. Тепло. Улица-гусеница чуть в дымке в низине, как после дождя. Глухая тишина и бездыханность деревьев, приостановка времени, снижение скоростей, атмосфера невсамделишности, тумана, морока.

Плетешься с газетами домой голодная и ловишь себя на мысли: другими глазами смотришь на встречных мужчин, не как на героев, кажется, вокруг бродят трупы.

И каждому мысленно говоришь: «С Рождеством Богородицы!»

21 сентября

Загибаю пальцы: племянники, четверо. Зятя. Муж. У мужа зять и два племянника. Сегодня вспоминали возраста всех. Впервые хотелось, чтоб были старше своих лет, не младше. Первой замаячила цифра тридцать пять. Но скоро и возраст никого ни от чего не обезопасит.

Вечером нарушили правило: детей нарочно усадили за мультики. У взрослых военный совет. Захожу в комнату – дочь срывается: «Нет времени обсуждать ерунду, я вещи собираю». Ухожу. Готовлю всем ужин. Последний совместный? И потом на сколько разлука? Разбегаются Турбины. «Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет».

22 сентября

А страшно будет увидеть в ленте пост про писателя или поэта, не мотивированного на истребление себе подобных, что такого-то взяли?

Тут же в ленте ответ.

Д. К.: Уже есть!

Я: Кого взяли?

Д. К.: Поэта.

По кругу ходим, неучи. Соловеек жарим.

23 сентября

Небывалое дело – дети второй день за мультиками. Взрослые запираются в комнате. Разговоры рассы-

паются. Планы меняются молниеносно. Ни на одном не остановились. Ехать нельзя остаться. Где поставить правильную запятую? Женские голоса наперебой. Мужской, громкий, ставит точку: «Один никуда не поеду!» За окном дождь.

Соседи пишут: «Заливает сверху, куда звонить?» Да, нас всех заливает сверху. Куда звонить?!

24 сентября

Дождь проливной. В стенах еще дрожит вечернее эхо: «Не поеду».

Утром сыну: «Ты за старшего».

Дочери: «До скорого».

Бабушке: «Не умирайте. Дождитесь».

Тестю: «Простите. Теперь все на вас».

Теще: «Спасибо за все».

Жене: «Если мы больше не вместе и это навсегда, ни в чем больше нет смысла».

И ко всем: «До свидания, родные».

Вшестером в коридоре. Смотрят на согбенную спину под легким, полупустым рюкзачком. Уносит груз разлуки и несправедливости. Дождь хлещет. В солнце уходить тяжелее.

25 сентября

Сегодня вокруг – сплошь безотцовщина при живых отцах. Поуехавшие отцы.

Восьми-девятилетние мальчики еще не понимают, а подростки растут и мужают на слезах матерей. Самый частый сейчас вопрос к мужчине: «Сколько тебе лет? Сколько ему лет?».

26 сентября

Знакомая спрашивает: «Не помните?.. Я еще третьего дня спросила, что это слово значит...» Напрягаюсь, смутно вспоминаю: три дня назад действительно был такой разговор. Как же давно это было... Три дня – как три года назад. Нынешние дни вмещают в себя слишком много. Вмещают жизни, судьбы. Плотные, пухлые дни. Дни отмен. Концерты, литературные встречи, презентации отменяются одна за другой. Из новостей СМИ: на Верхнем Ларсе замечен БТР. Очередь из непоуехавших будет проходить через блокпост. На трассе разворачивается мобильный приемный пункт. На обочинах спят в вигвамах из еловых ветвей и скотча.

В поликлинике кружок врачей обсуждает черновик списка. Вопрос жизни и смерти: кого добавить, кого вычеркнуть? Медсестра – молодому окулисту: «Доктор, но почему вы, вы же только недавно к нам устроились!» Молодой доктор отвечает: «Не я, так ты». Пациенты терпеливо ждут у кабинетов. Медсестричка на бегу говорит меряющей температуру у рамки входа: «Мне портянки сказали покупать». Оборачиваюсь – юная, хорошенькая. Встречаемся взглядами – все понимаем. Новое старое слово «портянки».

В Москве дождь сменяет солнце. В Екатеринбурге выпал первый снег. В Сочи купаются. Родина.

27 сентября

У нас на руках три бабушки от 80 до 90 лет. Девяностолетняя спрашивает: «А когда меня заберут в армию?» Ждет повестку, боится. Объясняем: не заберут. Успокоили. Говорит, не то думала, мне надо завтра идти в солдаты.

В городской больничке на шкафчиках в регистратуре надписи «фонари», «противогазы». В туалете объявление: «За курение – вызов полицейского патруля».

Еще один частый вопрос в очереди у кабинетов: «А он служил? А ваш служил? А кафедра военная была?» Ощущение мизерной значимости собственных болезней перед масштабом разворачивающейся трагедии – будто кто-то неаккуратно выворачивает карман и что-то хрупкое вываливается. Звон битого стекла – жизнь разбилась.

Из процедурного кабинета выходят через одного с радостными и погасшими лицами. Кому огласили плохой диагноз, направлен дальше по кабинетам; у кого плохое не подтвердилось – тому только в регистратуре печать тиснуть. Стук печати. Радость.

Теплый ветер в сквере. Солнце в красной сосновой коре. Янтарная смола. Мир вдруг вмещается в каплю дождя на розовом лепестке. Последние, замершие розы перед морозами. Воздвижение Честного Животворящего Креста – с праздником, сосны, с праздником, капля, с праздником, розы, с праздником! Бог через веселое и насмешливое лицо доктора сказал: поживешь еще, ду-реха. Стук печати. Стало быть, поживем.

28 сентября

Слепое солнце. Людей столько лет приучали к «гламуру», казалось, «эпохе гламура» несть конца. Но свернули «потребительское счастье», как дубленую кожу – враз, вмиг. Скукожилась жизнь-шагрень. Теперь гламурненьким переходить к «военному коммунизму», себя через колено ломать. Они еще о «морьке», еще ценами на «канатку» возмущаются. А нужно ценами на соль, сахар, спички интересоваться. Но уже котоняню разыскивают: «Найдись кото-ситтер, ежедневно по вечерам покор-

мить, приласкать, причесать». Готовятся, видимо. Ищут «хорошие руки», чтоб уж совсем свои освободить.

Объявления «ищу “хорошие руки” для моего четвероногого друга» мелькают чаще, чем «потерялась кошка, трехцветная с белой манишкой, вознаграждение нашедшему гарантировано».

Спящее солнце. Резко вырос спрос на няню-помощницу для дошкольников или школьников младших классов. Встречать, сопровождать, обед разогреть. Папы уехали. Все легло на мам. Работающих. Помощницы в тренде.

29 сентября

В парикмахерской пусто. Телефон молчит уже неделю. Изредка заходят женщины помыть голову и уложиться. В соседнем доме капитальный ремонт, отключена горячая вода. Древний жест стригульника-цирюльника-куафера-парикмахера-мастера по волосам – встряхнуть попону-простынь на виду у очередного клиента. Знак: тут дело чисто. Сейчас во всяком присутственном месте важно, чисто ли дело. Посетители-мужчины заходят оглядываясь. Ждут, сейчас выскочат из-за угла да закричат царевы слуги: «Слово и дело!»

30 сентября

Бабушка 90 лет сидит в коридоре, одетая.

– Ты куда?

– На фронт.

– На тебе «Ротфронт», всю сразу не ешь.

Телевизор в ее комнате выключен, а в голове нет. Шоколадку все равно всю съест сразу.

День памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви, Софии и святого мученика Христофора – избавителя

от внезапной смерти. Так говорили в старину: «Увидим Христофора – идем безопасно».

Сон под утро. Из крана вместо воды вытекает туманной плотности газ. Видимо глазу распространяется по кухне. Вижу, остановить не могу. Удушающе.

1 октября

Разрушен еще один постулат – «твой дом – твоя крепость». Дома ты больше не в безопасности. Приходят утром, ночью, вечером, на рассвете. С ключами от подъездных дверей, с кодами домофонов, любезно предоставленными «оберегающей безопасностью» жителей местной властью. В дверь звонят и стучатся учителя, слесари из ДЭЗа, дяденьки и тетеньки «управдомы» – вестники смерти. Учителя и управленцы добровольно вступили в кладбищенский менеджмент. В руках бумажка – приглашение на «бал Сатаны» с опциями последующего устройства: черный мешок, гроб, катафалк. Похоронный марш на ваш выбор: Гендель или Верди.

Слезящееся солнце.

2 октября

Мир сузился до метража квартиры. Здесь еще есть счастье: утренний кофе, теплая вода, торшер возле кресла, встречные улыбки, разговоры с бабушкой о консервации дачи на зиму, о взлетевших ценах на лекарства, шутки и игры с детьми. Обнимаешь маленькие тельца теперь все крепче и нежнее, чаще голубишь, чтобы не догадались до времени: за их папой (или мамой-врачом) уже пришли. А если грибок из папье-маше разрастется до размеров ядерного гриба, то и за ними – детками – уже при-

шли. Из уютной детской выбирается игра в кошки-мышки наружу и разрастается до вселенских масштабов. Кошки с обреченными лицами, как заведенные железным ключом механические монстры, нагоняют растерянных мышек. Чтобы потом... Чтобы что потом? Спрятаться под один грибок? «Пустите меня под грибок! Вода с меня ручьем течет. В тесноте, да не в обиде. А дождь все сильнее и сильнее». Ядерный.

3 октября

Потеря драгоценностей?.. Нет, драгоценность потери. Драгоценные потери.

Я не могу терять – нет, ни землицы пядь, ни челки прядь, и не кольцо с руки, и не исток реки, и ни одной строки, и не стихов тетрадь, ни даже лучший стих. Я не могу терять родных своих.

Мендельсона сменил Шопен. Си-бемоль минор.

4 октября

«Гламурные девы» вынужденно становятся амазонками. Проводившей теперь приходится получать автомобильные права, проходить ТО, осваивать программу оплаты ЖКХ, снимать показания счетчиков, вычищать фильтры пылесоса и стиральной машины. Где у нас молоток? Как поменять батарейку в фонарике? А лампочку в патроне?

Google: когда он вернется?

5 октября

У соседей назревает очередное. Громкие крики, достигающие других квартир даже за закрытыми ок-

нами. У них мир рушится каждый день. Тут не до ядерного удара.

Квартирная хозяйка, разносчица весточек смерти, как старуха-процентщица. Кутается в меховую кацавейку и хвастает барышом: тысячная за одну душу, подписавшую. Довольна: всучила. Поливает герань – от моли. Мальчики-квартиранты судорожно перебирают в уме, где в ее комнате, вечно запертой на ключ, хранятся копии их паспортов.

6 октября

Миллионы странников блуждают в поисках Ноева Ковчега. Закрутило людские массы. Едут к морю.купаются, продлевают лето. «Надо жить у моря, мама». Ходят в музеи. Причащаются новой культуры. Церкви сменяют минареты, базилики, костелы, кирхи, капеллы. Воля. «Ангелокрылый полет моей свободы». Счастливые. А после музея снова в объявления о съемном жилье – хоть бы не обдурили, снова в покупку карт на проезд в незнакомом метро – выдал бы сдачу проклятый автомат-османец, снова в разговорник: «Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан. Сенкан пиастр, мадам, сенкан!»

Вакансии официанта, посудомойки, уборщицы в книжном. Чай дешевле кофе. Черный хлеб дешевле белого. «Подушка безопасности» сдувается. Счастливые ли?..

Жили мы высокими мечтами.

Ныне славой малых мест живем.

7 октября

Затронуло всех: малолеток и стариков, учителей и учеников, олигархов и бомжей, мужчин и женщин,

водителей и пассажиров, военных и гражданских, врачей и пациентов, больных и здоровых, верующих и атеистов, оптимистов и пессимистов, столичных жителей и провинциалов, аборигенов и приезжих. Затронуло даже аквариумных рыбок. Импортные корма пропали. Мы – в воронке. Неужто прежняя жизнь с ее трудностями, переживаниями, тревогами и потерями, с ее драмой и трагедиями – была спячкой? Наша очередь быть распятыми.

8 октября

В поликлинике трое встречаемых мужчин – хромые. Хирурга забрили. Диагностическая аппаратура Siemens замерла, как потухший вулкан. Генератор излучения сломан, заменить нечем – санкции проклятого Запада. Друг друга бережем от информации, способной ранить, охраняем от собственных переживаний – не делимся. По пустякам больше не нервничаем, глупости отсекаем. Но почему же губы искусаны в кровь?

9 октября

Старуха, согнутая пополам, местная «городская сумасшедшая», во всякую погоду одетая в валенки с галошами, толкающая тачку на разных колесах перед собой, – знак стабильности, примета связки, скрепы, доказательство бывшего мира. Стоит на краю тротуара, со своей малой высоты кого-то крестит большими махами. Дорогу перебегает мальчик в хаки с вещмешком на спине. Не спешите называть человека сумасшедшим.

«А кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной».

10 октября

Мы еще не всё знаем о мире. Предложено посмотреть до Конца. Мир вариативен, но цикличен. Все новые и новые люди совершают старые ошибки. Темы глобальных потрясений будут актуальны к прочтению, изучению, исследованию еще долгое время.

Под окнами воздуходув-пылесос трещит несколько часов подряд. Сдувает золотое лиственное напыление с еще зеленых палисадов. Раздражает. Раздражает не трескучим звуком, а имитацией мирной обстановки – ничего же не случилось, можно листики сдувать на мостовую. Но пусть лучше воздуходув, чем воздушная тревога. Воздуха, воздуха не хватает!

11 октября

Мы – ошибка времени, время терять нельзя. В спортзале горит свет, за высокими решетчатыми окнами слышен судейский свисток, крики, удары мячом. Мужские игры. Мужской мир. Хрупкий мужской мир. Хочется стоять и слушать. Стоять и слушать.

На детских площадках пусто. На горочке для самых маленьких зачем-то поставлены две фарфоровые чайные пары. Тонкий фарфор, что-то вроде немецкой «Мадонны». Скоро тут некому будет играть – мамки рожать остерегутся. Дарить детей Молоху бессмысленно.

12 октября

Была привычка со встречным незнакомым не встречаться глазами. Сейчас хочется чужого мужчину-мальчика заслонить. Каждая думает: может, кто и моего где-то

так же закроет грудью. Самое частое пожелание знакомому и незнакомому мужчине – «будь в безопасности».

Разговоры со знакомыми стали походять на беседы эзоповым языком. Собеседники прощупывают друг друга: каков он, из каких будет? Каждый опасается попасть под оценку.

13 октября

Некоторые фигуры знакомых наглядно сереют. Еще, может быть, не черные, но наглядно сереют. Пытаются усидеть на двух стульях: по душе – с тьмою, а из осторожности – с ненавидимым светом. Вдруг свет победит, как же тогда выкрутиться? Но и перебарщивать с «подмыванием» нельзя, свои не поймут. Вот и растягиваются в шпагате, чередуя посты-высказывания, демонстрируя толерантность. Подписчики в недоумении заносят руку над кнопкой «отписаться». Но тут сереющая фигура проявляет чудеса эквилибристики и снова с людоедским аппетитом пожирает чужие жизни, взвизгивая: на абордаж! Правда, активничает на безопасном расстоянии от линии огня.

Вот ведь странно: были людьми с голубыми глазами, красными губами, алым сердцем.

И вдруг густо сереют. От серого до черноты всего-то с полтона.

14 октября

Степень тревожности, раздражительности, недоверия зашкаливает. Люди озираются, прислушиваются. Люди наготове. Бежать могут из позы упор лежа. Куда бежать? Куда глаза глядят... Лишь бы подальше оттуда, где бесконечно кошмарят. У человечества в нынешней точке

развития, кажется, создалось ложное представление о нетравмированности мира.

Так много сирен никогда не было слышно: «скорые» перекликаются с «полицейскими». Мир из дома вытряхнули вместе с пылью половика.

15 октября

Гастрономическое любопытство человека к человеку – сожрать побольше. Языческое людоедство, выполняющее из-под епитрахили христианства. И Соглядатай-Троица наблюдает, как сотворяется зло. «Но суд им давно готов» – говорит Библия. Время Там идет быстрее. Здесь смотрим на несправедливость и сетуем на безнаказанность злодейства. Ищем очевидности наказаний, прилюдности отмщения. Там расчерчивают развилки. Там даруют выбор. Там ждут и тщатся. Там запущен поток. Там решение по событию опережает само событие. Тут событие догоняет свой суд.

16 октября

Воробушки в кустах трещат: «война-война», «а что уже можно?», «можно, можно, да никак нельзя... чирик-чирик... склюем ее по буквам». Слово не воробей, вылетит – не поймашь.

Как говорят философы: хочу хотеть – это есть двойной модус желаний.

Хочу хотеть, чтобы за год стерлись границы и запросто можно было навещать друзей в Канаде, Испании, Польше, Германии.

Хочу хотеть, чтобы у людей, у всего рода человеческого, атрофировалось одно чувство – желание воевать.

Хочу, чтобы на человека, заговорившего о бойне, смотрели как на чумного и чтобы «слово воробьиное» ушло из лексикона всех наций.

Хочу, чтобы люди тотально поумнели и не болтали глупостей про отрицательный отбор.

Хочу, чтобы каждый имярек наконец расслышал призыв одного чудика, приходившего на Землю с именем Иисус Христос: не убий!

Хочу, чтобы бестолочи из желтой прессы поняли, что после желаемого ими ядерного Армагеддона «проблемы второго дня» не будет.

Мир, как часы, остановить нельзя. Из-за бессмысленности остановки. Стоящие часы бессмысленны. Истребление остановить можно – в том громада смыслов.

17 октября

Даже хорошим новостям больше не верят. Ждут опровержения. Ищут подвоха.

Ребенок смотрит телевизор и вдруг восклицает: «Господи, переключи на доброе!»

Пешеходы на переходе стоят. Жду «зеленого человечка». Прохожий кому-то в телефон: «А все этой инспекторше – “сестра, сестра”... А она фейсом воротит... Хорошо матерью не назвали... Короче, мужики с другого бока зашли: “Девушка, а что вы сегодня вечером делаете?..” Расплылась, открыла комнату... А то понимаешь, мы там с утра сидели, выйти нельзя, никого не выпускают... А у нее кулер в коридоре, а стаканчики в комнате заперты... Ага, ага, абсурд отечественного разлива...»

18 октября

Возраст стал ощутимее. Печаль – острее. Сожаление о несделанном – жальче.

Про С. думается, она всегда жила чужим умом. К. и прежде мыслил штампами и чужими заготовками. У М. и С. семейная передозировка телеконтентом. И что выходит, для христианской оценки происходящего нужны другие высоты ума? Другие сорта ума? Привычка к мышлению. Умственная гимнастика и врожденный гуманизм. Человечность и развитое чувство эмпатии. Апостол Павел не был омбудсменом. Никакие ванны не помогут. Бывают несоскабливаемые грехи. Пресвятая Дева, Жено, Богородиче, встань с нами на молитву о мире. Упроси Своих.

19 октября

Город изо всех сил цепляется за нормальную жизнь, бытовую, хозяйственную, будничную. Бесценная обыденность. Никаких внешних признаков инога: никаких биваков, оружейных пирамид, костров на улицах. Ходят слухи об устройстве укрытий и бомбоубежищ. Но внешних признаков тому не наблюдается. Нет, еще почти хорошо.

Еще воздушные шарик, возвещающие об открытии нового торгового центра. Еще то тут, то там ремонтные бригады, сварщики, землекопы, монтеры. Еще кладут асфальт на мостовой. Еще благоустройство. Еще активное строительство, застройка новых кварталов, освоение столичных земель. Еще навигация на озябшей реке. Правда, министерство туризма упразднено. Но парки работают на увеселение в память об уходящей развлекательно-потребительской эпохе. Еще иллюзия мирной жизни.

20 октября

К Богу нужно приходиться колокольчиком – с повинною головой. А не идти подсолнухом, вздернувшим голову. «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы».

Из телеящика подзабытые голоса Сенкевича, Василия Пескова, Ираклия Андроникова. Звуковое перемещение в прочно забытое детство. Архивные полки опустели. Показаны все прежде положенные на них, запрещенные советским временем и цензурой кинофильмы. Все телеспектакли, старые, черно-белые, вытащенные в эфир, создают эффект видимого чередования эпох, подвижности времен и одновременно атмосферу наползающих черно-белых сумерек. Радио, кажется, вот-вот бодро пропоет «Пионерскую зорьку». Или зазвучат новости программы «В рабочий полдень».

Настоящая ТЕЛЕтелепортация.

21 октября

Соседи сводили детей к стоматологу и окулисту, сами – к гинекологу и гастроэнтерологу. Продали машину. Сдали квартиру – с понедельника. Последняя ночь дома. Ключи долго не понадобятся. Разнесли по подъезду остатки продуктов. На кухне не прибрано, недопитый чай в кружках. На детей надели по трое трусов и по три футболки. В детской игрушки рассажены в ряд на постели. Между мишкой и котиком пробел. С собой можно взять только одного «мягкого» друга. Обнялись. Свидимся ли? И игрушки обнимаются, вцепились лапками. Кричат пуговичными глазами.

Кто откажется?

Кто взглянет выжидательно, строго

Из облака сырого...

Кто отвяжется?

Кто останется в моей стране по итогу?

Кто отважится?

Проводили.

Мы остаемся. Как есть. Надо досмотреть до конца. Все любопытнее и страшнее к финалу. До солнечного затмения четыре дня. Чем заполняем время? НЕмиром. В лучшем случае – бытовухой. Быт – один, бытие – разное. На иной давно не отремонтированной кухне чище, чем во дворце. Кухонная жизнь – аскеза. Во дворцовой жизни – вольница, широта и анархия. Увольнения, отставки, самоотводы, самоизоляции. Уходы, уводы. Обращения и обличения. Мрачные нукеры и эмиссары. Возникновение новых фаворитов при старых истцах и ответчиках. «Они вышли от нас, но не были наши». Скоро никого не останется, но кто-то ведь должен сказать: «Занавес».